

На правах рукописи

Вишняк Михаил Андреевич

АРСЕНИТСКИЙ РАСКОЛ (1265–1310) В ПИСЬМЕННОМ НАСЛЕДИИ
СВЯТИТЕЛЯ АФАНАСИЯ I,
ПАТРИАРХА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО (1289–1293; 1303–1309)

Специальность: греческая христианская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата богословия

Сергиев Посад

2018

Работа выполнена на кафедре Филологии Московской духовной академии

Научный руководитель: Кандидат исторических наук, доцент **Кузенков Павел Владимирович**, Московский государственный университет

Официальные оппоненты: Доктор исторических наук, кандидат филологических наук, кандидат богословия, доцент **протоиакон Владимир Василик**, Санкт-Петербургский государственный университет

Кандидат богословия, кандидат исторических наук **иерей Александр Пржегорлинский**, Царицынский православный университет преп. Сергия Радонежского

Ведущая организация: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

Защита состоится 4 марта 2019 г. в 15 часов на заседании Диссертационного совета №1 Московской духовной академии по адресу: 141300, Московская обл., г. Сергиев Посад, Лавра, Академия, Малый актов зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московской духовной академии.

Автореферат разослан «_____» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета №1 МДА

М.В. Ковшов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Исследование посвящено арсенитскому расколу (АР) (1265–1310) и его отражению в письменном наследии святителя Афанасия, патриарха Константинопольского (1289–1293; 1303–1309). Патриарх Афанасий является одной из важнейших исторических фигур своей эпохи. Несмотря на это, его личности и письменному наследию в современной исторической науке уделяется явно недостаточное внимание. Настоящее исследование призвано отчасти восполнить этот пробел. Также в данной работе на основании письменного наследия свт. Афанасия предпринято комплексное исследование феномена АР во всей его историко-богословской сложности.

Актуальность исследования. АР представляет из себя типичный пример схизмы зилотского характера (*зилот* — ревнитель). В настоящее время в ряде Поместных Церквей существует несколько расколов подобного типа. Например, старостильные расколы на канонической территории многих Поместных Православных Церквей, приверженцы которых прямо именуют себя зилотами, неминуемо отсылают к проблематике зилотства, акривии и икономии, т.е. к тем самым вопросам, которые стояли на повестке дня в деле арсенитов. Происходят и новые расколы, связанные с различными вероучительными, екслезисологическими и дисциплинарными проблемами, представляющие, по своей сути, всё те же расколы зилотского типа. Лица, состоящие в них, являют поразительное типологическое родство с арсенитами, апеллируют к той же церковно-исторической проблематике, выступают носителями того же образа мыслей, поэтому необходимость изучения раскола, в том числе с историко-богословской точки зрения, налицо.

Ввиду общепризнанного цивилизационного преемства Российского государства Византийской империи изучение АР имеет значение и в более широком плане. Общность цивилизационных моделей приводит к схожести конкретных исторических форм, имеющих тенденцию к повторению — конечно, не во внешних проявлениях, но в их внутренней сути. В этом плане Византия времён упадка и кризиса всех имперских институтов может послужить училищем, и полученное в нём знание о духовных закономерностях развития Церкви и государства не будет лишним в поисках путей развития современной России.

Степень научной разработанности темы. Как в отечественной, так и в иностранной научной литературе проблема АР в предлагаемом данным исследованием ракурсе рассматривалась лишь отчасти, в контексте более широких исследований. Это означает, что в поисках наработок следовало обратиться, во-первых, к исследованиям, посвящённым патр. Афанасию I, во-вторых, к работам по АР, и, наконец, к трудам общего плана о раннепалеологовском периоде.

Тема отношений свт. Афанасия с арсенитами так или иначе затрагивается во всех посвящённых ему работах, однако не в удовлетворительной степени. Наибольшее внимание арсенитской теме в объёме одной главы уделено в монографии Дж. Буджамры; также этой теме касается в одной из своих статей Э.-М. Толбот.

Исследователи АР также обращали внимание на личность патриарха, который был одним из наиболее принципиальных борцов с расколом. В этом отношении наибольшую значимость имеют труды П. Гунаридеса и А. Кондояннопулу. Во многом не теряет своего значения объёмная монография И.Е. Троицкого; важный вклад в изучение вопроса внесли Н.Д. Барабанов, В. Лоран, П. Николопулос, священник Александр Пржегорлинский, И. Сикутрис, Ф. Тиннефельд, А. Тудорие, А. Файе и другие исследователи.

Что касается литературы общего плана, то она практически полностью основана на трудах вышеперечисленных авторов и представляет интерес скорее с точки зрения систематизации, классификации и осмысления фактов в общем историческом контексте. В этом отношении выделяются работы А.П. Лебедева и развивавшего его идеи И.И. Соколова, которые оказали большое влияние на таких крупных византистов как Г.И. Острогорский и А.А. Васильев.

В целом литература, касающаяся как свт. Афанасия, так и АР, мала по объёму. Кроме того, исследователей больше интересовали внешние обстоятельства развития АР и его влияние на государственную жизнь империи, нежели раскол как собственно внутрицерковное явление. Обращает на себя внимание также ограниченная источниковая база большинства трудов (что вполне естественно, поскольку источники продолжают издаваться до сих пор), а также их зависимость от вторичных исследований, далеко не бесспорные результаты которых зачастую принимаются без должной критичности.

Таким образом, рассматриваемую тему нельзя назвать ни совсем неразработанной, ни освещённой в удовлетворительной степени. Научные труды в этой области носят разрозненный, фрагментарный и ограниченный характер. Некоторые популярные научные гипотезы являются явно устаревшими и нуждаются в пересмотре.

Целью данной работы является изучение феномена арсенитского раскола на основании письменного наследия патр. Афанасия I.

Подобная постановка цели предопределила несколько **задач исследования**.

Первая задача — биографическая. В неё входят: реконструкция биографии свт. Афанасия; выявление исторического контекста формирования его как личности, как пастыря и как церковного писателя; максимально подробное выяснение всех фактов взаимодействия между патр. Афанасием и арсенитами, динамики их отношений; определение

значения личности и письменного наследия патр. Афанасия для Православной Церкви.

Вторая задача — филологическая. Это обзор письменного наследия патр. Афанасия; выделение из него творений, прямо или косвенно касающихся темы АР, их датировка и обзор; выявление и уяснение ключевых литературных приёмов, терминов и понятий, применяемых святителем в противораскольнической полемике.

Третья задача — историко-богословская. Сюда включены рассмотрение истории АР с выявлением его внутренней сути, основных тенденций развития и психологии членов; изучение образа раскола и раскольников в письменном наследии патр. Афанасия; анализ основных аспектов противостояния между патр. Афанасием и арсенитами (догматического, канонического, идейного, социально-политического); установление главных причин и ключевых точек противостояния между раскольниками и Церковью в рассматриваемый период и их богословское осмысление; рассмотрение связи между воззрениями патр. Афанасия на раскол и его церковной политикой.

Объектом исследования является феномен арсенитского раскола во всей его историко-богословской сложности.

Предметом исследования является отражение арсенитского раскола в письменном наследии патр. Афанасия I Константинопольского.

Исследование носит междисциплинарный характер: в нём используются методологический и понятийный аппарат исторической науки, филологии, догматического богословия, патристики, православной антропологии и аскетики, канонического права.

Основным методом исследования является богословский метод. Ввиду некоторой неопределённости данного понятия в современной научной литературе предлагается использовать формулировку, предложенную прот. Константином Польсковым: «Богословский метод в широком понимании — это соотнесение культурно-исторического явления с нормой религиозного сознания, формализованной в рамках конкретной традиции, с целью выявления его предельных (сотериологических) смыслов»¹. АР является предметом изучения в первую очередь как явление эклезиологического порядка и оценивается с точки зрения Предания Православной Церкви, выражаемого (формализованного) в данном случае через писания свт. Афанасия, других его современников и всего корпуса библейских, церковно-канонических и святоотеческих текстов, привлекаемых к исследованию.

В ходе работы использовались также другие методы анализа источников и историографии: сравнительно-критический метод для выяснения степени достоверности и объективности информации, содержащейся в источниках, с учётом контекста их жанра и происхождения; диахронический метод для изучения динамики рассматриваемых явлений в исторической

¹ Польсков К.О. к вопросу о научном богословском методе // Вопросы философии. 2010. Вып 7. С. 95.

перспективе; филологический метод для анализа содержания ключевых богословских понятий; сравнительно-сопоставительный метод для исследования общего и особенного в рассматриваемых источниках; системный метод для установления основных аспектов противостояния с точки зрения их внутреннего содержания (идейный, политический, социальный, догматический, канонический аспекты) для их последующего изучения.

Научная новизна исследования определяется спецификой подхода к проблеме. До сих пор АР рассматривался прежде всего как социально-политическое явление в истории поздней Византии. Во всех исследованиях по данной теме богословская проблематика либо не затрагивалась вовсе, либо затрагивалась лишь в частных аспектах, либо сами эти работы (как, например, труд И.Е. Троицкого) являются устаревшими, а их выводы требуют пересмотра. В настоящем исследовании впервые предпринят комплексный подход к проблеме во всей её историко-богословской сложности и попытка рассмотреть АР как явление богословского порядка. Это достигается в том числе благодаря обращению к письменному наследию патр. Афанасия, посвящённому арсенитской теме, которое до настоящего момента не было должным образом изучено. За счёт введения богословских критериев скорректирован взгляд на причины раскола, большое внимание уделено психологии и образу мыслей раскольников, особенностям ведения полемики с обеих сторон.

В ходе решения поставленных выше задач были сформулированы основные **положения диссертации, выносимые на защиту**:

- патр. Афанасий I является одним из наиболее выдающихся иерархов на Константинопольском престоле поздневизантийского периода. Как человек, хорошо знакомый с церковным Преданием, посетивший все крупнейшие монашеские центры Византии своего периода, причастный к исихастской традиции, он вполне может считаться выразителем церковного образа мыслей, а его творения — расцениваться как патристический источник;

- творения патр. Афанасия являются одним из ключевых источников для поздней стадии АР; большинство датируемых антиарсенитских творений патр. Афанасия, в числе которых находятся наиболее важные для рассматриваемой темы, относятся к его второму патриаршеству (1303–1309); одно из ключевых для арсенитской темы писем — защитительное письмо императору должно быть датировано 1307–1309 г., а не 1310–1313;

- в своём развитии АР прошёл несколько стадий, при этом постоянно деградируя в экклезиологическом и нравственном отношении; ко времени патр. Афанасия он представлял из себя ряд разрозненных, враждующих между собой группировок, в которые вкрались догматические и нравственные искажения; риторика арсенитов и её воплощение на практике различались;

- противостояние патр. Афанасия и арсенитов было обусловлено коренными различиями в воззрениях на ключевые экклезиологические вопросы; такое же различие обнаруживается в их общественно-политических взглядах и в образе действия обеих сторон;

- противостояние патр. Афанасия и арсенитов можно понимать как противостояние принципов истинного и ложного зилотства в Церкви;

- главной причиной противостояния между патр. Афанасием и арсенитами является различие между православным и раскольническим образом мыслей (φρόνημα).

Теоретическая значимость данной работы заключается в том, что в ней подробно рассматривается один из случаев конфликта, в котором стороны оперировали понятиями акривии и икономии. Поскольку в каноническом праве Православной Церкви икономия не имеет строго регламентированных правил применения, канонисты часто ссылаются на исторические прецеденты и на понимание икономии церковными авторами.

В исследовании также скорректирован взгляд на проблему зилотства в Церкви.

Полученные в процессе исследования результаты могут применяться в курсах церковной истории рассматриваемого периода, истории византийской литературы, расколоведения, византологии и церковного права.

Полученные результаты могут применяться и **для практических целей**. Типологическое сродство арсенитов с современными расколами зилотского типа позволяет в большой мере задействовать антиарсенитскую аргументацию свт. Афанасия в современной противораскольнической деятельности Церкви.

Источниковую базу работы составляют три круга источников, по степени их важности для темы: 1) творения патр. Афанасия (рассмотрены в третьей главе); 2) другие источники по патр. Афанасию и АР (рассмотрены в первой главе); 3) вторичные источники (патристические и церковно-канонические памятники).

Апробация результатов исследования. Опубликовано восемь научных статей в изданиях из перечня ВАК.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения, словаря понятий, словаря имён и географических названий и списка использованной литературы. Каждой из поставленных задач соответствует глава диссертации (с второй по четвёртую), тогда как первая глава носит вводный характер и содержит обзор литературы и источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность исследования, анализируется степень изученности темы, определяются объект и предмет, цель и задачи исследования, указываются методы, обосновывается научная новизна проделанной работы и её теоретическая и практическая значимость.

Первая глава «Историография и источники» имеет вводный характер, являясь вместе с тем важной частью исследования. В ней предпринят критический анализ источников с целью оценки степени их достоверности и значимости для изучаемой темы. Рассматривается историография по патр. Афанасию и по АР.

Отдельное внимание уделено отражению АР в русской историографии, рассмотрен генезис модели борьбы партий (зилотов и политиков) и её влияние на подходы к рассматриваемому вопросу. Взгляд на противостояние арсенитов и иерархии как борьбу носителей принципов акривии и икономии был впервые предложен И.Е. Троицким и разработан А.П. Лебедевым и И.И. Соколовым, которыми он был экстраполирован на византийскую церковную историю с XI по XV вв. Этот подход оказал заметное влияние на византологическую науку, в частности на труды Г.И. Острогорского и А.А. Васильева. Он продолжает в основном воспроизводиться в части современных исследований, например А. Тудорие и П. Гунаридиса. Однако лежащее в основе этого похода противопоставление интересов Церкви интересам государства в приложении к Византии не вполне оправданно. Кроме того, его авторы произвольно используют понятия «зилоты» и «политики», не учитывая того идейного контекста, в котором они употребляются в источниках. Это приводит к путанице в понятиях, а также слишком упрощает сложную картину общественных отношений в поздней Византии.

Вопрос об источниках в исследовании фигуры свт. Афанасия имеет исключительную важность, поскольку разные источники имеют противоположные тенденции в освещении фактов, касающихся личности и деятельности святителя. В связи с тем, что исторические источники (которые должны восприниматься с достаточной степенью критичности), попали в научный оборот значительно раньше, чем две другие группы источников, в литературе сложился отчасти искажённый образ патр. Афанасия. В наибольшей мере это касается омрачённой враждебным отношением к патр. Афанасию «Истории» Пахимера, которая является основным историческим источником. «История» Григоры более объективна, но написана с гуманистических позиций. Большое значение для раскрытия личности свт. Афанасия имеют агиологические источники и его собственные творения.

Источники по АР рассматриваются с опорой на предшествовавшие работы. В ходе исследования было установлено, что один из источников

(письма монаха Лазаря), используемый П. Гунаридисом, не имеет прямого отношения к арсенитской теме.

Вторая глава посвящена описанию жизни и церковной деятельности патриарха Афанасия. Поскольку эти вопросы неоднократно становились предметом исследований, настоящая глава ограничивается кратким, но ёмким биографическим очерком, в котором главное внимание уделено трём аспектам: 1) выявлению факторов, оказавших влияние на патр. Афанасия как церковно-общественного деятеля; 2) определению его значимости как церковного писателя; 3) его отношениям с арсенитами.

Вкладом автора в исследование в целом достаточно изученной биографии святителя является попытка восстановить последовательность событий последних годов его второго патриаршества (1307–1309). Эта последовательность выстраивается исходя из предложенной в третьей главе настоящей работы альтернативной датировки одной из ключевых антиарсенитских работ патриарха — защитительного письма императору, в котором патриарх оправдывается в возводимых на него обвинениях в богохульстве. Из письма следует, что патриарх вёл переговоры с арсенитами о восстановлении церковного общения и каждая сторона выдвигала свои требования. По всей видимости, нежелание уступок со стороны патриарха имело следствием утрату поддержки со стороны императора, который желал любой ценой решить проблему АР. Таким образом, есть все основания предполагать арсенитский след во втором смещении патриарха с кафедры в 1309 г., спустя всего год после которого последовало воссоединение арсенитов с Церковью.

Также рассмотрен имеющий важное значение вопрос об отношениях между свтт. Афанасием и Феополитом Филадельфийским, поскольку последний также был видным борцом с АР. Некоторые исследователи неоправданно, с нашей точки зрения, предполагали наличие натянутых отношений и даже соперничества между двумя святителями, тогда как в настоящей работе предлагается альтернативный взгляд.

Биографическое исследование выявляет величие образа патр. Афанасия и его высокий церковный авторитет как при жизни, так и после смерти, что, наряду с церковным почитанием в лике святых, даёт все основания рассматривать его творения как патристический источник.

Третья глава «Раскол арсенитов в письменном наследии патриарха Афанасия: филологические аспекты» является фундаментом для дальнейшего исследования, снабжая его источниковой и понятийной базой. В ней осуществлён обзор всего письменного наследия патр. Афанасия, с последующим выделением творений, прямо или косвенно касающихся АР; при возможности определяется датировка этих творений и даётся их краткий обзор. Рассматриваются ключевые термины и понятия, что помогает понять богословское содержание полемики.

Общий обзор письменного наследия патр. Афанасия основывается на фундаментальных работах по этой теме Э.-М. Толбот и М. Патедакиса.

Наиболее значимым вкладом автора является выделение творений патр. Афанасия, имеющих отношение к арсенитской теме (включая неизданные — на основании конспекта В. Лорана), а также обзор ключевых понятий, употреблявшихся им в противораскольнической полемике.

Задача выделения в общем массиве творений святителя произведений, связанных с АР, оказывается нетривиальной, поскольку наряду с АР существовали и другие расколы. Для понимания, о каких именно раскольниках идёт речь, нередко требуется уяснить исторический контекст. Датировка большинства произведений также затруднена ввиду отсутствия точных исторических данных и возможности чётко проследить динамику отношений.

Наиболее важными для арсенитской темы являются две работы святителя, изданные в 2004 г. М. Патедакисом: обширное антиарсенитское послание и защитительное письмо. Второе содержится в рукописи *Alexandrinus gr. 288 (911)*, введенной в оборот Патедакисом незадолго до издания, и является таким образом одним из наименее изученных произведений патр. Афанасия I. Издатель, на наш взгляд, неверно датировал защитительное письмо периодом 1310–1313 гг. Эта датировка имеет принципиальное значение. Письмо отражает логику противостояния между арсенитами и свт. Афанасием на заключительной стадии АР, и очень важно установить, в каком статусе последний выражает свою позицию: как предстоятель Церкви или как частое лицо, каковым он являлся после своего второго отречения в 1309 г.

В настоящей работе на основании детального анализа письма делается вывод о том, что оно было написано в период 1307–1309 гг. Из текста письма видно, что свт. Афанасий и арсениты обсуждали условия восстановления «общения», причем каждая сторона выдвигала свои требования. Арсениты готовы были в качестве уступки разрешить патриарху «возносить память» патр. Иосифа, т.е. поминать его имя за литургией. Такая уступка не могла иметь никакого смысла для свт. Афанасия в то время, когда он уже не являлся патриархом и проживал на покое в монастыре, лишенный права священнодействовать. Есть также ряд косвенных указаний на то, что в момент написания письма свт. Афанасий был патриархом. Датировка 1307–1309 гг. более соответствует тону и содержанию письма, а также всей логике противостояния между свт. Афанасием и арсенитами.

Таким образом, большинство датируемых антиарсенитских творений патр. Афанасия изданы и относятся к его второму патриаршеству (1303–1309). Это касается ключевых писем: антиарсенитского послания, защитительного письма и других. В сопоставлении с огромным письменным наследием святителя творения, касающиеся арсенитского вопроса, не занимают существенной по объему части, хотя в абсолютном отношении их объем значителен и превосходит многие другие источники.

Творения патр. Афанасия, касающиеся АР, являются весьма важным источником как с исторической, — поскольку содержат ряд уникальных

сведений, — так и, особенно, с богословской точки зрения, поскольку представляют взгляд на раскол как на духовно-мистическое явление и дают богословское осмысление раскола в контексте божественного домостроительства.

Наиболее важным из употреблявшихся в полемике понятий является термин «ксилоты» (ξύλωται). Это собственное изобретение патр. Афанасия — каламбур, составленный из двух слов: ξύλον (дерево) и ζηλωτής (ревнитель), призванный указывать на непробиваемое упорство арсенигов. Есть и другие варианты понимания, однако, на наш взгляд, главной целью патриарха было не позволить арсенигам закрепить за собой звание ревнителей (ζηλωταί), настойчиво и последовательно употреблявшееся ими к самим себе.

Смысл полемики вокруг понятия ζηλωταί раскрывает сам патриарх в своём защитительном письме, где он пишет об арсенигах: «Прозываясь благовидным именем, они зорко следят, чтобы все слыть ревнителями, невежественные, как и новатиане, некогда именовавшие себя чистыми (кафарами), впоследствии были анафематствованы Истиной как скверные». В глазах патриарха арсениги несправедливо присвоили себе это наименование, чтобы выставить себя перед народом ревнителями о чистоте догматов и канонов.

Чтобы уяснить значение понятий «ревность» и «ревнитель», следует сделать экскурс в библейскую историю, где они имеют в основном положительный смысл, хотя ревность «не по разуму» может становиться причиной противления Богу (Рим. 10:2–3). Употребление свт. Афанасием термина «ксилоты» является отражением борьбы между ним и арсенигами за звание истинного зилота. Хотя сам патр. Афанасий не называет себя зилогом, несомненно, что именно в нём, а не в арсенигах, которые были ревнителями «не по разуму», отразилось представление Церкви об истинной ревности, что находит выражение во всей жизни и церковной деятельности святителя.

Весьма остроумным и богословски обоснованным представляется применение патр. Афанасием к арсенигам понятий «донатисты» и «новатиане». Эти два раскола ригористического характера III–VII вв. имеют явные параллели с АР, такие как учение о «непорочной иерархии», постановка действительности совершаемых таинств в зависимость от нравственной чистоты священнослужителя и отделение от иерархии под предлогом невозможности применения икономии. Употребление в отношении арсенигов понятия «ариане» является либо антиеретическим топосом, либо свидетельством искажения триадологии у арсенигов.

Ключевым богословским понятием является φρόνημα (образ мыслей, слав. *мудрование*). Фρόνημα обнимает всё христианское учение и образ жизни, образ мыслей по догматическим, церковным, нравственным, каноническим и прочим вопросам, в отличие от учения (δόγμα), касающегося только догматов. Если в ереси происходит уклонение от православного δόγμα, то в расколе, при сохранении δόγμα, искажается φρόνημα. Это

позволяет понять, почему свт. Афанасий и другие полемисты могли считать и называть арсенитов еретиками при том, что формально они были раскольниками на дисциплинарной почве. Патр. Афанасий рассматривал понятия *δόγμα* и *φρόνημα* в совокупности, не делая между ними чёткого разграничения. Это видно из того, что в своих письмах он многократно предаёт анафеме не только всякий догмат, но и всякое *φρόνημα*, несогласные с догматами и *φρόνημα* Церкви.

Понятие *φρόνημα* также помогает уяснить суть противостояния между Афанасием и арсенитами. С богословской точки зрения это было противостояние носителей православного и раскольнического *φρόνημα*, что имело следствием коренное различие в подходах ко всем церковным вопросам.

Четвёртая глава «Патриарх Афанасий I и арсениты» является центральной в исследовании и представляет собой историко-богословское изучение проблемы раскола во всех её аспектах. Глава имеет разветвлённую структуру, соответствующую различным аспектам и подходам к вопросу.

Внешняя канва событий раскола относительно подробно изучена и изложена историками. Это позволяет взглянуть на раскол с точки зрения его главного внутреннего содержания, богословской природы и психологии членов. Это содержание существенно менялось с течением времени под влиянием масштабных внешних событий, таких как Лионская уния (1274 г.), постепенное завоевание Малой Азии тюрками, экономический и социальный кризис империи и прочих. С этой точки зрения выделяются четыре стадии раскола: 1. Зарождение (1265–1274); 2. Становление (1274–1282); 3. Расцвет (1282–1284); 4. Упадок (1284–1310). Оба патриаршества Афанасия пришлись на время упадка движения, когда оно во многом утратило свой первоначальный пафос борьбы за чистоту Церкви и деградировало. Тем не менее, оно было достаточно сильно, чтобы влиять на внутреннюю политику империи, вступить в борьбу с двумя патриархами — свт. Афанасием и Иоанном Космой (1294–1303), победить в ней и в итоге навязать иерархии свою точку зрения в 1310 г.

При рассмотрении отражения раскола в письменном наследии патр. Афанасия I необходимо учитывать, во-первых, пастырскую ответственность святителя, во-вторых, его самобытный литературный стиль, отличающийся отсутствием чёткой структуры и последовательной логической аргументации, экспрессивностью, частым использованием библейских аллюзий и топосов. Хотя естественная предвзятость свт. Афанасия в отношении к арсенитам не лишает его творения исторической правдивости, использование топосов и различных антиеретических клише заставляет быть осторожным в буквальной трактовке его полемических сочинений.

В письменном наследии патриарха создаётся абсолютно негативный образ раскольников. Арсениты оказываются «врагами мира», «сосудами зависти», «сынами клеветы» и т.п., а в пределе — «христианообвинителями»,

и «богоборцами». Их поведение основано на обмане, коварстве и клевете. Они «отчаянно возгордились бесстрашно сделать набег и на само достоинство священства», что может быть намёком на самочинные хиротонии.

Особым тяжким пунктом обвинений выступает женское священство, т.е. совершение церковных таинств женщинами. Об этом упоминается в трёх произведениях патриарха: неизданном письме проту Афона, антиарсенитском послании и защитительном письме, хотя нельзя исключить, что такое обвинение является всего лишь антиеретическим топосом. Дж. Буджамра полагал, что оно связано с «обычаем диаконисс», который патриарх призывал прекратить во всех митрополиях своего патриархата. Однако сложно сопоставить те практики, о которых пишет патриарх, с обычаем диаконисс. Священнические функции, которые брали на себя женщины у арсенитов, никогда не выполнялись диакониссами. Речь идёт скорее о возложении на женщин чисто священнических функций ввиду нехватки у арсенитов священников, как предполагал В. Лоран. Женское священство (если оно имело место) наиболее ярко демонстрирует расхождение между риторикой арсенитов и их действительным образом действия, разрушает миф о канонической и нравственной чистоте арсенитских общин и является наглядной демонстрацией процессов вырождения церковного раскола в парахристианскую секту.

Отдельной категорией в обвинениях патриарха выступают люди, поддерживающие раскольников. Практика предоставления средств и привилегий разного рода раскольникам и диссидентам была распространена очень широко, начиная с самого императорского дома, против чего яро протестовал патриарх. Самый главный его аргумент — раскольники получают то, что должны получать бедные члены Церкви. Принципом патриарха было: «Добро сотвори благочестивому, нечестивому же не помогай» (Ср. Сир. 13:2, 4, 7). Помогающий раскольнику «изобилием потребного» не даёт ему «воззреть к истине» и будет наказан Богом.

Подобный образ арсенитов находит себе богословское обоснование. Цель воплощения Христа — примирение человечества в Себе, чтобы «оно не восставало». Причина восстаний — заблуждения и ложные верования. Человечество примиряется в Церкви, которая есть тело Христово. И всё же, несмотря на домостроительство спасения, в каждом роде находились люди, которые «неистовствовали» против Церкви. Таким образом, раскольники — это сознательные враги домостроительства спасения, противники Самого Бога, которые не довольствуются своей собственной гибелью, но ещё отторгают и других от Церкви Христовой, лишая их спасения.

В экклезиологии раскола патриарх прибегает к распространённому мотиву рассечения тела Христа. В то же время раскольники — это сухие ветви, отсечённые от «древа жизни» — Церкви (Быт. 2:9; Ин. 15:6). В сотериологическом плане раскол есть попущенное Богом испытание доброкачественности духовного подвига; это евангельские плевелы,

посеянные среди пшеницы (Мф. 13:25–30). Владыка всяческих оставил плевелы расти вместе с пшеницей, как Он оставил действовать и сеятеля плевел дьявола, к испытанию и славе верных. Однако отпадение в раскол не есть нечто окончательное. Плевелы могут превратиться в пшеницу, и это — дело всей Церкви. Верные христиане — активные участники врачевания церковного Тела: молитвой, слезами, твёрдым исповеданием православной веры согласно постановлениям Церкви и неприятием всякого чуждого мудрования (φρόνημα), благоговеиным и почтительным отношениям к канонам они помогают раскольникам обратиться.

В творениях патр. Афанасия вскрываются глубокие духовные причины раскола. Ими являются страсти, любопрение, упрямство, нераскаянность. Среди пороков, обладающих арсенитами, особенно подчёркиваются также тщеславие, властолюбие и корыстолюбие. В конечном итоге раскольники «Богу противятся» (Деян. 7:51). Такие обвинения хотя и являются общим местом в антиеретической литературе, в приложении к АР в столь откровенной форме озвучиваются лишь свт. Афанасием и Феополитом Филадельфийским. Это ещё раз подтверждает что, с одной стороны, свт. Афанасий в данном случае выступает транслятором Предания, а с другой — что АР имеет общую духовную природу с другими расколами и ересями.

Противоположность φρόνημα свт. Афанасия и арсенитов сказывается во всех аспектах борьбы. Так, на идейном уровне заметна разница подходов. Если патриарх стоит на библейской позиции, согласно которой все бедствия народа являются следствием отступления от Бога, то согласно арсенитам причина бедствий носит политический характер и заключается в узурпации престола Михаилом VIII Палеологом и последовавшим за ней давлением на Церковь.

Социально-политический аспект раскола в творениях патриарха выражен достаточно слабо. Исходя непосредственно из его писем, можно сделать вывод о том, что политический фактор в движении арсенитов играет второстепенную роль. Патриарху оказывается достаточно констатировать факт политической нелояльности раскольников, что отчасти объясняется его политической экклезиологией, представляющей империю как «Новый Израиль», в рамках которой неверность Церкви (а значит, и Богу) означает и неверность правителям.

Письмо Афанасия и синода императору по поводу заговора Иоанна Дримия является одним из наиболее изученных творений святителя и подвергалось многообразным трактовкам, в частности, на предмет упоминаемого в нём участия арсенитов в заговоре. Отмечалось последовавшее за мятежом изгнание арсенитов из столицы зимой 1305–1306 г., что рассматривалось как следствие их участия в заговоре. Однако сам текст письма, в котором арсенитская тема не педализуется, а также новая датировка мятежа, предложенная А. Файе (весна–лето 1305), позволяют говорить о том, что участие арсенитов в заговоре не было определяющим.

Огромная активность патриарха в социальной сфере подорвала влияние арсенитов, которые прежде доминировали в этом отношении. Организуемые патриархом мероприятия создали ему мощную народную поддержку и напомнили о том колоссальном значении, которое призвана иметь Церковь в христианском государстве. Х.-Г. Бек вполне обоснованно называет Афанасия одним из самых социально активных патриархов в истории. Однако у императора не хватило смелости и мудрости поддержать социальную политику святителя, которая привела бы к естественному исцелению раскола. Отдельным пунктом церковно-социальной деятельности патриарха была забота о монашеском благочинии, которая также имела противораскольнический аспект, так как большинство арсенитов были монашествующими.

В целом политика патриарха была нацелена на восстановление в Церкви акривии (точности, строгости) нравов и канонов и тем самым выбивала из рук арсенитов знамя акривии, под которым они вели свою борьбу с иерархией.

Наиболее важными аспектами противостояния были догматический, канонический и вопрос об отношении к акривии и икономии.

Догматический фактор был порождён заключением Лионской унии и связанными с ней триадологическими спорами, не стихавшими вплоть до 1310 г. Обе стороны искали повод обвинить друг друга в ереси. Арсениты исходили, вероятно, из принятого иерархией «Томоса» патр. Григория Кипрского, в котором видели сомнительные догматические формулировки. Однако все антиарсенитские полемисты были согласны в мысли, что если во времена Лионской унии были догматические основания для противостояния навязывавшей унию иерархии, то после восстановления Православия в 1282 г. этих оснований уже не было. Таким образом, претензии арсенитов были в действительности беспочвенны и носили скорее пропагандистский и апологетический характер. С другой стороны, вышеупомянутое именование арсенитов «арианами» (если только оно не является антиеретическим топосом) и некоторые другие косвенные указания могут говорить о том, что искажение триадологии произошло у самих арсенитов.

Догматические искажения у арсенитов в области экклезиологии более чётко фиксируются источниками. Ко времени патриаршества Афанасия все арсениты были едины в отрицании православной иерархии. Сложность заключается в том, что арсенитское движение не было единым как организационно, так и догматически. Иоанн Хила свидетельствует, что одни из арсенитов говорили, что «священства больше нет», другие считали, что священство есть, но только пресвитерское, непорочного же архиерейского нет. Таким образом, логика развития раскола привела арсенитов к учению о существовании «безупречных (ἀνεπίληπτοι) архиереев», знаемых только Богом, но скрытых от людей.

Проблема признания иерархии нашла отражение в антиарсенитском послании патр. Афанасия, в котором он ставит перед раскольниками следующую дилемму — каких архиереев они не принимают: некоторых или всех? Если всех, то они — не христиане, если же некоторых, то их обличают заверительные письма, подписанные ими в Атрамитии. Речь идёт о соборе 1284 г., на котором арсениты сначала признали (с подписанием соответствующих документов), а затем вновь отвергли патр. Григория Кипрского. Таким образом святитель демонстрирует, что приятие или неприятие того или иного патриарха является делом произвола арсенитов, а не следования каноническим правилам.

В целом, догматические обвинения Афанасия и других против арсенитов вполне понятны, поскольку в православном богословии сакраментология, экклезиология и христология тесно связаны, и потому грань между расколом и ересью является весьма условной. Отметая Таинства Церкви, арсениты отмечают саму Церковь, а с ней и Христа.

Сохранились также свидетельства о нескольких попытках обвинения патр. Афанасия в ереси со стороны арсенитов:

1) обвинение в евхитстве (мессалианстве) на соборе 1304 г., вызванное, вероятно, тем, что святитель был практиком умной молитвы; это обвинение является важным предвестником исихастских споров, имевших место спустя несколько десятилетий, когда мессалианами именовали исихастов;

2) обвинение в нечестивом именовании Христа «грешником», вызванное неосторожным высказыванием самого патриарха, неудачно перефразировавшего слова апостола Павла (2 Кор. 5:21);

3) обвинение в иконоборчестве, ставшее поводом ко второму отречению (в данном случае невозможно точно сказать, что обвинителями были арсениты).

Общим во всех этих обвинениях является их полная богословская несостоятельность, которая показывает, насколько богословие оказывалось заложником кипевших церковно-политических страстей. Речь шла не о выяснении истины, а о дискредитации противника. Для арсенитов догматические аргументы были также средством оправдать раскол.

В творениях патр. Афанасия отсутствует последовательная и систематическая каноническая аргументация, подобная развивавшейся другими полемистами. Она компенсируется цитированием соответствующих канонов, логика подборки которых проста. Подборки содержат определения еретиков и раскольников (например, толкование Зонары на 33 Лаод.), запрещение на составление самочинных церковных собраний и отделение от своего епископа (напр., 6 Гангр., 10–11 Карф., 31 Ап., 13–15 Двукр. Конст., 5 Антиох.), повеление монаху пребывать в монастыре (4 IV Всел. Соб. и правило свт. Мефодия Исповедника), запреты на молитву с раскольником или на принятие отлучённого клирика из другой епархии (10, 12, 32 Ап.).

При этом патриарх подходит к составлению подборки весьма свободно и делает сокращения, примечания и дополнения там, где считает нужным.

Тенденции этих изменений следующие: 1) доказать, что отделяться от епископа можно только по обвинению в ереси; 2) показать, что отделяться позволительно на основании доказанных обвинений, а не только слухов или подозрений (возможно, намёк на слухи об отлучении патр. Иосифа Арсением); 3) показать, что, даже в случае обвинения в ереси, обвиняемый епископ должен иметь возможность принять вразумление со стороны сослужителей. В целом, смысл канонической аргументации патриарха сводится к той мысли, что законно можно отделяться от Церкви лишь из-за очевидной и доказанной ереси.

Если попытаться объективно взглянуть на значимость канонической аргументации обеих сторон, то обнаруживается слабость позиций арсенистов. И.Е. Троицкий собрал все доводы арсенистов, которыми они оправдывали своё уклонение от общения с иерархией; можно видеть, сколь ничтожны порой с канонической точки зрения они были. Таим образом, каноны, как и догматы, становились для арсенистов лишь поводом и средством противостояния, а не его причиной. При этом арсенисты были абсолютно правы в своих глазах и оправдывали своё противостояние ссылками на те же самые каноны и исторические примеры, что и их противники. Троицкий замечает поэтому, что на почве фактов и авторитетов спорный между арсенистами и Церковью вопрос не мог быть решён безапелляционно.

Действительно, отсутствие однозначной трактовки имеет место всегда, если подходить к вопросу буквалистски. Естественно, что любая ересь или раскол так или иначе подтверждают своё существование неким набором доводов, выбираемых из Предания Церкви. Суть ереси или раскола как раз и заключается в религиозном провинциализме, т.е. в предпочтении части целому. Но Предание Церкви — это не свод законов и не совокупность святоотеческих текстов. Во всех подобных арсенистскому случаях вопрос стоит всегда в том, какая из сторон верно выражает дух Предания. И здесь можно утверждать, что дух Предания выражал именно свт. Афанасий, тогда как арсенисты пытались, по выражению свт. Феодипта, «как из листьев смоковницы сшить себе одежды неразумных оправданий».

С формальной точки зрения в полемических творениях арсенистов наблюдается гораздо большая выборочность в отношении Предания Церкви, ограничивающаяся, по большей части, письмами Иоанна Златоуста и Феодора Студита, неправомочность приложения которых к делу арсенистов доказывалась антиарсенистскими полемистами.

Ущербность позиции арсенистов была явлена и исторически. Их конечное возвращение в Церковь в 1310 г. означало признание ошибочности собственной экклезиологии, поскольку воссоединением с Церковью арсенисты фактически подтвердили своё признание наличной церковной иерархии, законность которой до тех пор оспаривали.

Каноны Церкви не оставляют сомнений в том, что отделение от епископа возможно только в случае открытой проповеди ереси, чего в Церкви не было уже со времени Григория Кипрского, и апелляция арсенистов к богословским

и каноническим аргументам была явно недостаточным основанием для отделения.

Наиболее отчётливо экклезиологические установки сторон проявились в подходах к акривии и икономии. Как в старых (И.Е. Троицкий, А.П. Лебедев, И.И. Соколов), так и в новых (П. Гунаридис, А. Тудорие) исследованиях противостояние арсенитов иерархии понимается как борьба между сторонниками принципов акривии и икономии соответственно. Такой подход к проблеме не вполне оправдан: как в рядах арсенитов, так и среди представителей иерархии не было единодушия в понимании и применении икономии. Другое важное обстоятельство заключается в том, что реальные действия и поступки тех или иных лиц или групп часто расходились с их риторикой. Прежде всего это касается арсенитов, которые, будучи на словах поборниками акривии, на деле легко преступали этот принцип, когда дело шло об их интересах.

Предысторию конфликта принято возводить к так называемой «михианской схизме» (795–797 и 806–811) между прп. Феодором Студитом и его последователями с одной стороны и патр. свв. Тарасием и Никифором с другой из-за незаконного брака императора Константина VI. Это вполне оправдано, так как сами арсениты считали себя преемниками прп. Феодора и проводили прямую параллель между делом о браке Константина VI и делом патр. Арсения. В этом конфликте можно условно обозначить «строгую» линию прп. Феодора (икономия применима лишь к кающимся, законы являются общими для всех) и «компромиссную» патриархов (допустима икономия в деле о браке императора для избежания большего зла).

Обе линии имели своих продолжателей. В периоды упадка церковного образа мыслей (φρόνημα) компромиссная линия усиливалась чрезвычайно, её представители нередко доходили до попустительства и безволия перед вторжением правителей в церковную сферу, а некоторые и по своей инициативе жертвовали церковными интересами ради политических (ложно понимаемых) выгод.

В эти периоды икономия была инструментом для того, чтобы «какому-либо неблагоприятному общественному делу дать благовидную личину» (А.П. Лебедев). Она могла использоваться как инструмент превращения исключения в правило (например, в вопросе о переводе епископа на другую кафедру) и в униональных проектах. Идеологи Лионской унии Михаил VIII Палеолог и Иоанн Векк апеллировали к икономии. Подписавшие унию епископы также оправдывали себя икономией, т.е. желанием, по их мнению, избежать большего зла (война и уничтожение Православия) посредством меньшего (уния, не основанная на тождестве веры и догматов). Таким образом, икономия выступала средством проведения в жизнь прагматических планов светских и церковных политиков. Принося империи осязаемые временные выгоды и облегчения, в далёкой перспективе она становилась разрушительной, и это понимал свт. Афанасий.

Поэтому патриарх поставил своей задачей отстаивание акривии. В его понимании акривия была не только акривией канонов, но и акривией (строгостью) христианской жизни. Но в то же время источники показывают, что патр. Афанасий не был чужд и разумной икономии, свободно употребляя оба принципа ради церковного блага. В его творениях чётко выражены принципы преподания икономии, соответствующие тем, которые Церковь содержит доныне. Но такая политика патриарха не принималась частью элиты, как это видно, например, из «Истории» Пахимера.

Подход арсенитов к икономии отличался. Как видно, они избегали даже употреблять это слово (вероятно, из-за искажения его смысла), а некоторые отрицали и всё бывавшее в Церкви по икономии. Приверженность же их акривии носила довольно формальный характер. На практике арсениты применяли икономию в отношении самих себя, что доказывается многими примерами. Крайнюю неуступчивость арсенитов в отношении одних канонов и свободное поправление других никак нельзя объяснить, если не согласиться с главной мыслью антиарсенитских полемистов о том, что акривия в действительности не была причиной противостояния арсенитов Церкви, но лишь знаменем борьбы или ширмой, за которой скрывались более низменные мотивы.

При всей разнице в подходах, все антиарсенитские полемисты были согласны в том, что формальное следование принципу акривии вне любви и истины является грехом и разрушением Церкви. Наиболее строгими в этом отношении являются позиции свт. Феоплпта и Афанасия. Первый сравнивает арсенитов с иудеями, распявшими Христа «якобы придерживаясь закона и думая быть благочестивыми». Согласно же второму, арсениты — не хранители канонов, а их «досадители и отвергатели»; все их действия сколь антиканоничны, столь и богопротивны, и по акривии канонов арсениты не частично правы, но, напротив, подвергаются самым строгим клятвам и отлучениям как раскольники. Такая жёсткая позиция отчасти объясняется церковно-политической ситуацией, в которой патр. Афанасий вынужден был противостоять как арсенитам, постоянно находившим в преступлении мнимой акривии поводы к антицерковной пропаганде, так и склонным к бесконечным компромиссам архиереям, клирикам и политикам, оправдывавшим губительные для Церкви деяния икономией.

В сравнении с другими антиарсенитскими полемистами патр. Афанасий предстаёт как наиболее последовательный поборник акривии — но акривии не формальной, а истинной, церковной. Он боролся с арсенитами не столько словом, сколько делом, устраняя из Церкви все поводы к упрекам и соблазнам, исправляя нравственную распущенность монашества и клира, борясь с антиканоническими явлениями, заботясь о народе.

Сравнивая различные подходы к рассматриваемому вопросу, можно констатировать, что нельзя однозначно говорить об арсенитах как о поборниках акривии, а также об абсолютном преобладании икономийного

направления среди представителей церковной иерархии, как показывают примеры свт. Афанасия и Феодипта.

Антиарсенитские полемисты не противопоставляли акривию арсенитов икономии Церкви. Скорее противопоставление шло по принципам: правильное понимание — ложное понимание, православный образ мыслей (φρόνημα) — раскольнический образ мыслей.

Все антиарсенитские полемисты согласны в том, что акривия канонов не может мыслиться сама по себе. Она имеет целью спасение человека, назидание Церкви и мир между её членами. В противном случае акривия теряет своё назначение и уже перестаёт быть акривией. Все полемисты подчёркивают мысль, что арсенитами движет мнимая акривия и ложная ревность, что в основании слепого следования букве канона лежат душевные страсти и, в конце концов, богоборчество. При этом полемисты подчёркивают, что речь идёт об акривии канонов, а не об акривии догматов: одним из важных для них положений было то, что Церковь живёт «во времена Православия». Задачей антиарсенитских полемистов было показать, что принцип акривии, оторванный от Церкви, превращается в убивающий формализм, канон — в холодную букву, а человек, мнящий применять этот канон — в человекоубийцу и губителя душ, каким бы оправданным это применение ни казалось. В таких условиях свт. Афанасий предстаёт как образ истинного ревнителя и бесстрастного борца за подлинную акривию. Он вступает с арсенитами в борьбу за право отстаивания принципа акривии и за именование истинного ревнителя.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об отношении патр. Афанасия к условиям соглашения 1310 г. Неприятие этого соглашения свт. Феодиптом стало причиной многолетнего разрыва общения между ним и Константинопольским патриархом. Свт. Афанасий, будучи уже на покое, в одном из писем порицает первое условие соглашения (прекращение церковного поминовения патр. Иосифа) и тех, кто его принял.

Приблизиться к пониманию столь бескомпромиссной позиции двух святых можно опять через понятие φρόνημα. Например, у свт. Феодипта чётко прослеживается формула: «Одна вера — одно мудрование (φρόνημα) — одна Церковь». Акты церковной дипломатии, при которых арсениты не только не отказывались от своего мудрования, но ещё навязывали его всей Церкви, могли рассматриваться двумя святителями как недопустимые, как было бы недопустимо для Церкви принимать еретиков без отречения последних от своих искажённых догматов. В акте примирения произошло внешнее, механическое введение арсенитов в Церковь без изменения их мудрования. Таким образом, позиция двух святителей являет один из примеров неприятия компромиссной политики государства, не учитывающей церковных критериев единства. Особенность в данном случае состоит в том, что речь идёт не о вероучительном компромиссе, а об уступке, предполагающей отказ от правого мудрования (φρόνημα).

В **заключении** сформулированы основные выводы по теме диссертации и намечены три возможных направления продолжения исследований: 1) издание и изучение новых источников; 2) осмысление проблемы АР в рамках истории Византии; 3) осмысление феномена зилотизма на материале современных расколов.

Ключевые положения представленной работы отражены в восьми публикациях автора общим объемом 7 авторских листов.

**Статьи, опубликованные в научно-методических журналах,
включенных в перечень ВАК РФ**

1. *Вишняк М.А.* Богословское осмысление раскола патриархом Афанасием I Константинопольским (1289–1293; 1303–1309) // Христианское чтение. 2018. №3. С. 124–130.
2. *Вишняк М.А.* Два письма патриарха Константинопольского свт. Афанасия I о проблеме арсенитского раскола: историко-богословский комментарий // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. Вып. 3 (23). С. 337–354.
3. *Вишняк М.А.* К вопросу об отношениях между свт. Афанасием I, патриархом Константинопольским, и свт. Феопитом, митрополитом Филадельфийским // Богословский Вестник. 2018. №30. Вып. 3. С. 164–184.
4. *Вишняк М.А.* Монах Лазарь: раскольник-арсенит или ревнитель Православия? // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19. Вып. 2. С. 110–116.
5. *Вишняк М.А.* О датировке защитительного письма против арсенитов патриарха Афанасия I Константинопольского // Византийский Временник. 2018. Т. 102 (в печати).
6. *Вишняк М.А.* Образ арсенитов в эпистолярном наследии патриарха Афанасия I Константинопольского // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 5. С. 16–26.
7. *Вишняк М.А.* Творения патриарха св. Афанасия I Константинопольского, касающиеся арсенитского раскола // Богословский Вестник. 2018. № 29. Вып. 2. С. 72–104.
8. *Вишняк М.А.* Участие женщин в арсенитском расколе (1265–1310) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 83. С. 48–58.